

Как Дуань Янь стала Ксенией

УЗВЕСТИЯ, - 1999 - Ч ЯНЬ - С. Ч.

Китайская поэтесса приняла христианство и только что выпустила в Москве сборник стихов в собственном переводе на русский

Юрий САВЕНКОВ, «Известия»

Пустыня спросила верблюда: почему ты все время идешь ко мне? «Потому, что ты одинока», — сказал верблюд. Пустыне в знак благодарности захотелось заплакать, но даже слез у нее не было. Верблюд прильнул грудью к пустыне. С тех пор он не расставался с ней. Поэтесса увидела это озарение во сне...

К моим представлениям о китайцах, среди которых я прожил шесть лет, судьба Дуань Янь, существующей сейчас в пограничье двух великих культур, добавляет новые краски.

Она родилась в пятидесятых в Чунцине среди гор на берегу Янцзы — самой длинной реки в Китае. Родители-интеллигенты (отец — литератор, мать актриса) назвали ее Янь — Ласточка. В имени, считают в Китае, должен быть намек, сокровенный смысл. Слова Шекспира: какой смысл в имени? Назовите розу иначе, запах ее все равно будет сладким — китайцам не понять. Имя, вероятно здесь, может даже судьбу изменить.

Она закончила факультет русского языка, работала в Чунцине в Академии общественных наук. Это происходило в пору, когда долголетний опыт и проницательность позволили патриарху китайских реформ Дэн Сяопину понять: будущее Китая — в открытости миру. «Феодализм — железная камера, в которой заперты все китайцы», — размышлял в свое время великий китайский писатель Лу Синь, — однако феодальное сознание имеет свою специфику: оно не замечает железных стен». Когда занавес пал, Дуань Янь возглавила в Чунцине ассоциацию по связям с общественностью. Потом создала общество «Гнездо», где одинокие люди могли услышать друг друга, создать семью. Нестандартный ход мыслей Дуань Янь не всегда понимали чиновники. Им казалось, она слишком смела, чрезмерно оригинальна. Человек, по их убеждению, должен существовать в строгой иерархической шкале. Но талант, как известно, не признает никаких статусов.

Дуань Янь много размышляла: почему китайцы так истово рвутся в Америку, когда рядом существует более близкая и великая культура — русская?

По приглашению факультета социологии МГУ в 1993 году она приезжает в Москву. Тех денег, что взяла с собой, оказалось недостаточно для полного курса в аспирантуре. Помочь было некому. С жильем — проблемы, некоторое время обитала даже в гараже. Люди нередко относились подозрительно: китайка, а не торгует на рынке, лишь интересуется русским языком.

Кстати, мелкая торговля, к которой ее пытались приобщить земляки-челноки, доходов не принесла. Если к ней подходила бедная старушка, она продавала ей костюмчик для внука дешевле исходной цены. В Москве Дуань Янь испытала все: непонимание, одиночество, нападения бандитов (однажды ее избили наркоманы и она оказалась в больнице). Может быть, вернуться в Китай? Но что-то ее все время держало в России. Стихи и цветы, скажет она мне.

Однажды в минуты смятения по совету русской подруги она пришла к архимандриту Кириллу и стала находить ответы на вопросы, так долго мучившие ее. И тогда она приняла очень важное для себя решение. При крещении ей дали имя Ксения. По-гречески — Страница. Умиротворенная, она поехала в Санкт-Петербург. В безмолвии одна стояла на коленях у часовни святой Ксении Петербургской и долго молилась. Здесь поняла, почему она приехала в Россию. Наутро стала переводить стихи — на русский.

«Многие не верят, что я сама перевожу, я тоже порой не верю», — смеется Ксения. Но это пришло как наваждение и стало фактом жизни. Ее волнуют три вещи — море, снег и небо. Она никогда не видела моря, но река, на берегах которой родилась, несет свои воды к морю, и она слышит его гул. Снег впервые увидела уже взрослой в Пекине. Особенно ощутила его чистоту, когда прочитала «Снежную стра-

ну» великого японца Кавабата. В нобелевской речи он говорил о белом цвете, самом чистом и насыщенном, о белом бутоне камелии.

Но больше всего ее волнует небо. Неизъяснимое, неисчерпаемое, возвышающее над суетой, к чему надо стремиться всю жизнь. И хотя она живет в двух культурах (дома — икона Божией матери и статуэтка Гуаньинь, китайской богини милосердия), раздвоение не чувствует. «Ведь Бог один, — размышляет Ксения, а по-китайски он звучит «тяньфу», — Небесный отец, у нас у всех одно небо». Любит древнего китайского поэта Ли Бо, жившего в пору, когда Русь еще была языческой. Он отказывался от всего, что стесняло его душевные порывы, жил в гармонии («Изголодые — шар земной, небо — чем не покрывало»). Имя поэта окружено тайной. Легенда повествует: он утонул, перегнувшись через борт лодки, ловя отражение луны в воде.

Заочные друзья по скитаниям и чувствам существуют вне границ времени и пространства, считает Дуань Янь. Послушайте Мандельштама: «Заблудился я в небе — что делать? Тот, кому оно близко, — ответ».

Так пришла она в нашу жизнь,

где стихам все труднее отвоевать пространство у прозы. Но ее мир, взволнованный и странный, привлекает людей, которые принимают участие в ее московской судьбе. Дуань Янь только что участвовала в празднике поэзии в Железноводске, где читала свои стихи и переводы Лермонтова на китайский. Когда не пишет стихи, преподает свой родной язык, помогает аспирантам сдавать экзамены, пишет роман «Судьба китайки».

Недавно вышел в свет (издательство KMK Scientific Press) сборник ее стихотворений. Окунувшись в стихию двух языков, ощущает разность культур, неприводимость иных понятий. Некоторые стихи она писала сразу по-русски: «Ветер донес колокольный звон». Редакторы сохранили оригинальный стиль автора, хотя иногда казалось, это не в полной мере соответствует нормам русского языка: «Я дерево маленькое-маленькое. Расту тихо-тихо. Я расту только-только для тебя».

Ксения рассказала мне такую историю. Она хотела назвать свою книгу «Верблюд и пустыня». Ей кажется, это ее лучшие стихи. Но редактор увидел в названии что-то арабское (помните, у Саади: «Хмельной верблюд легче не-

сет свой выюк. Он при звуках арабской песни приходит в восторг»). Именно так реагировали издатели и в Китае: стереотипы свойственны людям на всех ши-

ротах. Вот и появился на зеленой обложке «Маленький зонтик». Но Ксения все-таки ощущает себя верблюдом, прильнувшим грудью к пустыне.

Фото Виктора АХЛОМОВА.